

18+

Игорь Кочкин

НИКТО, НЕКТО и ВСЁ

Забавный черновик

«НЕ НАДО ЧИТАТЬ много КНИГ». Мао Цзэдун.

Игорь Кочкин

**НИКТО, НЕКТО и ВСЁ.
Забавный черновик**

«Издательские решения»

Кочкин И.

НИКТО, НЕКТО и ВСЁ. Забавный черновик / И. Кочкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502517-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Mir,
в котором живут герои моего ЗаБаВнОгО ЧеРнОвИкА — это 1970-е годы,
когда джинсы в СССР стоили 250 рублей, а зарплата инженера — 130. Когда
в науке не состоялись идеи И. Филимоненко (холодный термоядсинтез) и
была построена Чернобыльская АЭС. Когда прошло тридцать лет после
Второй Мировой. Когда из каждого окна звучал «Битлз»... (Здесь, в первой
части «НИКТО...», размещён текст с намеренно представленными в нём
«весёлыми» картинками — на грани фола! — на каждом развороте.)

ISBN 978-5-00-502517-3

© Кочкин И.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

НИКТО, НЕКТО и ВСЁ

Забавный черновик

Игорь Кочкин

*Посвящается Н. Я. и Е.Л., а также всем,
кто жил в злоецие времена БИТЛЗ и брежневского ЗАСТОЯ.*

© Игорь Кочкин, 2020

ISBN 978-5-0050-2517-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Предполагаю очевидное недоумение Читателя (если таковой, вопреки всем технократическим напастям XXI века, образуется!), который с понятным пристрастием непременно полюбопытствует: почему жанр «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» определён, как «черновик»? Почему не «роман», не «повесть» (или ещё что-нибудь другое и привычное)?

И почему «черновик» именно «забавный», а не курьёзный или какой-то иной (синонимов-то кругом изрядно, навалом, прорва)?..

Вопросы справедливые.

В 1978 году, в несуществующем сегодня городе Алма-Ате¹, когда галопом были написаны «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ», этот рабочий подзаголовок подразумевал, что рукопись – только скелет, который потом предполагается доработать, чтобы он оброс гармоничной мышечной тканью, и рукопись в окончательном варианте получила бы более совершенное физическое тело.

После 1978-го прошло *четыре десятилетия*, однако ничего неросло.

До «забавного черновика» – по «забавному» стечению обстоятельств! – не дошли руки у автора. И рукопись благополучно пребывала все эти годы в анабиозе, затерявшись в моём архиве среди других бумаг, скопившихся в суете сует за это время.

Хотя... что есть эти сорок лет? (В сравнении, скажем, с продолжительностью жизни дуба (1500 лет), привычного земного нашего соседа?) Это ничто!.. Тем более в нашем случае, когда с 1990-х – за менее, чем три десятилетия! – отношение человечества к бумажным носителям информации изменилось кардинально, на 180 градусов.

Среди современных анекдотов мне понравился такой: девушка предлагает знакомому... переписываться с помощью настоящих бумажных писем: мол, романтично и всё такое... Он долго молчит, потом спрашивает: «Натаха!.. Ты – в тюрьме?...» Смешно.

«Тарас сел на коня. Конь согнулся, а потом засмеялся...» (Из сочинений учеников средней школы в капиталистической РФ).

¹ В 1993 г. Алма-Ата после развала СССР и образования Республики Казахстан была переименована в Алматы.

«Переписка Льва Толстого занимает не один том, – заметил Сергей Капица, и с грустью спросил: А ЧТО ОСТАНЕТСЯ ПОСЛЕ НЫНЕШНЕГО ПОКОЛЕНИЯ? Их эСэМэСки будут издавать в назидание потомкам?»

Исходя из этого, логичен следующий вопрос: зачем людям нужны книжки – как некий пережиток прошлого! – когда есть интернет?

В качестве аргументации приведу простой, как три советских рубля, пример: застряли Вы, скажем, в автомобильной пробке, а Вам вдруг позарез – ну, мочи терпеть больше нет! – понадобилось «Государство» Платона или «Домик в Коломне» Пушкина – не проблема. Несколько привычных – на автомате! – манипуляций с мобильником и Вы уже слушаете (или – читаете) нужный текст.

«Онегину нравился Байрон, поэтому он и повесил его над кроватью...»

А вот – для пущей убедительности! – ещё одна интересность, в стиле тех же «трёх рублей». На «Авито» мне на глаза попало объявление: продам Библиотеку Всемирной Литературы, нечитанную, нецелованную, в суперобложке, как только что из типографии, 100 руб. (!?) за том. Не мог пройти мимо, позвонил, чтобы поинтересоваться, как далеко от меня находится БВЛ: может, съездить и купить в подарок для внуков? Мне ответили, что продавец готов сам доставить товар – был бы покупатель. Я сказал, что предложение заманчивое, издание великолепное, но надо... подумать. Мне с угрозой ответили, что торг уместен. Я поблагодарил... В течение следующей недели меня настойчиво – настырно! – атаковал продавец БВЛ: когда и куда, наконец, ему везти этот хлам, пока он не выкинул его в мусоропровод?.. Вот такая история! Вот такой «балдёж!», как скажет юное поколение.

Вероятно, сегодня не очень нужны старые бумажные книжки. Нет потребности в классическом чтении. Есть только редкие предложения на бесплатных досках, подобных «Авито», как сигналы SOS: ПОМОГИТЕ!.. ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МАКУЛАТУРЫ!

«На поле раздавались стоны раненых и мертвых...»

Всего-то полвека назад люди пишущие и публикующиеся были читаемы в народе и, в пределах здравого смысла, почитаемы. Их количество нельзя было назвать тьмой. Сейчас пишущих во Всемирной паутине и публикующих себя сами – тьма, а читателей – раз, два и обчёлся. Почему?

Если раскручивать тему дальше – напрашивается другой каверзный вопрос: а покажите мне сегодня те книжки, которые бы – как прежде! – передавали из рук в руки? На неделю, на день, на ночь? Их нет.

Дайте мне ссылку на источник в Сети, где бы Президент РФ (премьер, сенатор, депутат и т.д.) трепетно обсуждали новую книжку современного Булгакова... Отсюда следует вывод, банальный (и до зевоты скучный): зачем тогда древние – из прошлого века – рукописи превращать в книжки? Не-за-чем. Нет причин.

«Хлестаков сел в бричку и крикнул: «Гони, голубчик, в аэропорт!..»

Безвыходных ситуаций, однако, не бывает. И я нашёл лучшее, по-моему, применение своему архиву. Суть его проста, как всё гениальное: когда в саду надо раз-

вести костер, чтобы сжечь сухие сучья и ветки, бумага, как нельзя, кстати. А наблюдать, как горят рукописи, зная, что рукописи не горят², одно удовольствие.

Алгоритм предания огню *негорящего* прост. Сначала – как получится, на удачу – берётся охапка бумаги. Потом происходит беглое «знакомство» со знакомым: что же там попало в руки на этот раз? О, это любопытно, отмечаю я. «Любопытное» сопровождается душещипательным (шутка!) воспоминанием о времени и месте написания. Всё, ритуал закончен. Слезного прощания не предусмотрено (рукописи не горят! проверено автором, поскольку, если некая комбинация мыслей улетела в Космос – при определённых условиях эти мысли, звено за звеном, не трудно вытянуть обратно и превратить в привычные закорючки на бумаге.) А уж потом можно чиркать спичкой.

«Умер М. Ю. Лермонтов на Кавказе, но любил он его не поэтому!...»

Когда в охапке оказалась «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ», руки мои не поднялись развести рукописью костёр. Наоборот – захотелось, против обыкновения, очистить её от пыли, прогладить помятые временем странички утюжком, пылящем на углях, и даже, может быть – восстановить то, что было погрызано мышками, которые полакомились – странное дело! – самыми вкусными, на мой взгляд, кусками текста. Как они это различают – не ясно. На уровне интуиции, генетической памяти или по каким-то другим признакам?..

Дальнейшее выглядело так. Моя природная леность оказала мне добрую услугу. Я подумал: а смысл городить огород? Зачем привносить отсебятину через столько лет? Пусть написанное давным-давно выглядит сейчас в чём-то косо, а в чем-то криво, но пусть всё останется, как есть. И потом: содержание «забавного черновика» – где-то романтическое, а где-то наивное – продиктовало особую его форму. Поэтому и было решено – перепечатать остатки сохранившегося текста и все дела.

«Глухонемой Герасим не любил сплетен и говорил только правду...»

Была ещё одна веская причина не трогать написанное сорок лет назад, чтобы ненароком не разрушить те тонкие и хрупкие конструкции прошлого, которые состоялись, как *реальность*. Товарищ жены по работе, живущий сегодня в Калгари, рассказал о своих впечатлениях после посещения Алма-Аты: несмотря на новомодные архитектурные изыски, которыми «преобразился» город, своё лицо, органичное и ни на что не похожее, он утратил: прежней Алма-Аты больше нет. На ней, по его словам, печать типичного мамбетского аула с... неказахскими небоскрёбами и всеми признаками современной цивилизации: сотни тысяч иномарок, движущиеся по улицам и припаркованные на обочинах, и, соответственно – пробки в часы пик; всюду – куда не глянь! – магазины, магазины, магазины; всюду – реклама, реклама, реклама; все – продавцы, производителей – раз-два и обчёлся³...

Я про себя подумал: если бы кто-то по барской прихоти оплатил мне все накладные расходы (дорогу в Алма-Ату, гостиницу и прочее), я бы отказался отправиться

² Подтверждение этому можно найти у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите».

³ Большинство советских заводов и фабрик в Алма-Ате после провозглашения независимости Республики Казахстан были закрыты.

в «прошлом», как это сделал товарищ жены. Пусть Алма-Ата для меня останется такой, какой она осталась в памяти.

«Вдруг Герман услышал скрип рессор. Это была старая княгиня...»

Какие же сакральные – если таковые есть! – ценности, вокруг которых закручено повествование, кроются между строк в этом «забавном черновике»? «Как молоды мы были? Как искренне любили»?.. Как и чему учились (понемногу и как-нибудь)?.. Как в эйфории взросления, в эйфории познания себя и мира кутили по барам, забавно многомудрствуя вокруг вечных тем с бокалом «шампань-коблера» в руке?.. Как соблюдали (или не соблюдали) строгие предписания «Кодекса поведения алма-атинцев»?.. Как творили музыкальные гениальности «на коленке», подражая и не подражая Битлз?..

Другими словами: что в «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» есть такого разэтакого?

Главное – по-моему – это ответ на вопрос: что есть БУДУЩЕЕ? И каким оно может стать, если произойдёт определённая трансформация настоящего, которая повлечёт за собой цепную реакцию изменений во взаимоувязанных между собой событиях.

Кроме уже сказанного, добавлю коротко, о чём ещё рукопись. (Одна из сверхзадач!) Она об эволюции и деградации человеческого Я. О том, что есть *реальность* и что есть *иллюзия*.

По поводу слова «забавный». Оно знаковое, и характерное для НИКТО, одного из персонажей. Подробнее об этом читатель узнает, если осилит рукопись (все семь частей книги) до конца.

«Отец Чацкого умер в детстве...»

И последнее. Кроме расстановки запятых, в текст были внесены некоторые новые цитаты, ссылки и мои неказистые размышления по поводу давних событий и фактов, которые – по понятным причинам! – не могли быть внесены в 1978 году.

Вот и все мои старания, и участие в *забавном черновике, который никогда не будет доработан до чистовика* (за исключением этого корявого предисловия).

РФ, 2018.

Часть первая

*Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать!
Правдивой страницы лишь тот боится,
Кто вынужден правду скрывать.
Р. Бёрнс.*

...трое шестнадцатилетних мальчишек, еле-еле передвигая ноги, плелись гуськом по мрачному – до тошноты! – коридору административного здания товарной станции Алма-Аты-2 к окошку кассы, чтобы получить заработанные 150 рублей за разгрузку вагона со шпоном.

– Здесь явно пахнет мертвечиной... – сказал один из них.

– Какая здесь может быть мертвечина, если вокруг ни души? – спросил изумлённо второй.

– Значит, мертвечиной пахнет от нас – большие не от кого, – подытожил бесстрастно третий.

Логика была железной: нечего на зеркало пенять – признаки разложения надо искать в самих себе...

Был первый вечерний час воскресенья, 26 октября 1975 года.

(«ВЫ НАСТОЯЩИЙ АЛМА-АТИНЕЦ, если В ЛЮБОМ, САМОМ ПЛОСКОМ ГОРОДЕ МИРА ЛЕГКО РАЗБЕРЁТЕСЬ, ГДЕ ЕСТЬ ВЕРХ УЛИЦЫ, РАЙОНА, МЕГАПОЛИСА (относительно гор, как в Алма-Ате), А ГДЕ – НИЗ...» Из «Кодекса поведения алмаатинцев».)

Если бы им, троем, утром сказал какой-нибудь умник, что за этот день они очистят железнодорожный вагон от шпона, они, вероятно, очень бы захотели в это поверить. Но, вряд ли, в это поверили бы. Между словами «поверить» и «сделать» зияла пропасть. Они эту пропасть перемахнули. Как перемахнули? Это вопрос из категории «не имеющих ответа». Ответа ясного и простого.

Преодоление пропасти – однако! – не переполняло их особенной радостью.

Больше их переполняло полное безразличие ко всему, что происходило, что происходит и что будет происходить вокруг: здесь, на товарной станции, куда их сегодня – почему-то! – занесло, а также в Алма-Ате, где находилась эта станция, а также на всей планете Земля, где маленькой точечкой обозначилась Алма-Ата, а также во всей Вселенной, где затерялась эта голубая планетка с названием Земля.

Они готовы были – тотчас же! – плюхнуться на махрово-пыльный бетонный пол этого длинного коридора, ведущего в никуда, и час, другой – а лучше – вечность! – отдохнуть. Было ощущение, что Земля (и, соответственно, Алма-Ата!) подверглась внезапной атаке. С применением фантастического оружия. Всему живому – смерть, а они, трое, в своих физических телах, остались – по нелепому недоразумению! – в целостности и сохранности.

Первого звали НИКТО, второго – НЕКТО, третьего – ВСЁ...

Летающие эхом звуки, шаркающих по полу бабшмаков троих мальчишек больше походили на жуткий сон, чем на реальность.

– *Здесь никого нет*, – сказал *НЕКТО*, с явными нотками раздражения, гнева и агрессии: *страшный коктейль!*

– *А мы?* – сказал *ВСЁ*, в голосе – явные нотки сарказма: так и хочется расхохотаться.
– *Мы здесь не в счёт*, – сказал *НИКТО*, в голосе – полное безразличие: какая разница, что было, что есть и что будет через мгновение или через минуту?
– *Мы – трупы?* – спросил *ВСЁ*.
– *Я – труп!* – ответил *НЕКТО*. – *Это точно.*
– *Ты – труп?* – спросил *НИКТО*. – *А я, по-твоему, кто? Труп, как и ты?*
– *Ты, как здесь ни крути, как был, так и остаешься быть прежним НИКТО.*
– *Хотел бы и я быть тем, кем есть НИКТО*, – сказал *ВСЁ*. – *Однако, по всем признакам, я – ещё – не труп, как НЕКТО, но очень близок к тому, чтобы в него превратиться, и им стать.*
– *Оптимистичное признание!* – заметил *НЕКТО*.
– *Да, как на духу...*

(«МЁРТВОМУ, КОНЕЧНО, СПОКОЙНЕЙ, да уж больно скучно...» Сухов, «Белое солнце пустыни».)

Они по-прежнему гуськом, из последних сил, продвигались вперёд по коридору, тупо рассматривая таблички с надписями на дверях слева и справа.

– *Ну, их на фиг все эти мерзкие деньги – к свиньям собачим!* – заявил категорически *ВСЁ*. – *Зачем трупам деньги?*

– *Ну, уж нет!* – ответил твёрдо *НЕКТО*. – *И к каким это – свиньям собачим? Вот уж, сказанул, так сказанул: свинья у тебя оказалась в теле собаки? Или собака в теле свиньи? Браво!.. Не знаю, как кому, а мне – пусть даже и трупу – деньги совсем не помешают!*

– *Ты, я вижу, очень умный?* – спросил *НИКТО*.

– *Нет, я слишком умный!*

– *Очень хорошо: тогда... если ты – труп, то, как тебя может давить жаба?* – спросил удивлённо *ВСЁ*.

– *Это, вероятно, особая жаба – трупная*, – предположил *НИКТО*.

– Сами вы – жабы! – набычился НЕКТО...

(«ПУСТЬ УМИРАЮТ ДУРАКИ, были б целы тюфяки». Козьма Прутков.)

Обстановка накалялась с каждой секундой. Силы были на исходе.

– Ну, да, нам только и остаётся, как устроить маленький мордобойчик – междусобойчик, в аккурат под занавес, по всем законам жанра: найдём главного виновника всех наших проблем и врежем ему по полной! – сказал НИКТО.

– Идея великолепная: я, лично, за, – утомлённо произнёс ВСЁ.

– Да уж – да уж: великолепное завершение этого великолепного дня, – фыркнул НЕКТО, – великолепнее не придумать...

Они остолбенели, когда увидели по левую руку искомо-заветную табличку «КАССА» над окошком с решёткой из арматурных прутьев, откуда доносились еле слышимые звуки присутствия там ещё кого-то, кроме них троих: значит, на Земле-матушке ещё кто-то выжил?

– Трупы потихоньку начинают сходить с ума... – обозначил суть невероятной иллюзии, которая превратилась в реальность, НЕКТО, – это точно.

– Придурок! – возмутился ВСЁ. – Как трупы могут сходить с ума? Они же – трупы...

Они уже не верили ни глазам своим, ни ушам своим. Если даже принять версию о выживших – то какой-такой ненормальный может быть здесь, в кассе, в этот воскресный день и вечерний час, чтобы ожидать их, троих наглых юнцов, для вручения им (если ещё и не трупам, то, явно, существам, уже находящимся на зыбкой грани между жизнью и смертью!) вымученных несчастных денег? Никто! Это двести процентов из ста.

Нет – и не может быть! – здесь никакой «КАССЫ».

Нет – и не может быть! – здесь никаких посторонних звуков.

– Ау! Люди! – крикнул НИКТО, и шарахнул, что было сил, кулаком по решётке.

– Если они – люди... – заметил флегматично ВСЁ.

Окошко «КАССЫ» через паузу, равную вечности, отворилось и обнаружило недовольную – до безобразия! – женскую физиономию без явных национальных и возрастных признаков.

– Киборг... – еле слышно прошептал ВСЁ.

– Сам ты – киборг! – ощерился НЕКТО.

– Киборгша... – уточнил НИКТО.

– Что-о-о? – прорычала Киборгша...

(«СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, и пусть никто не уйдет обиженный!» Стругацкие, «Пикник на обочине».)

– Где наши деньги? – спросил НИКТО с металлом робота в голосе: с подобными надо говорить голосом подобных.

– Где – где: в Караганде! – огрызнулась Киборгша...

Через паузу, опять равную вечности, она брезгливо швырнула в руки НИКТО платёжную ведомость:

– Закорючку поставь против галочки, умник. Сумму – прописью!

– Двадцать? – НЕКТО, не поверив глазам своим, застыл с открытым ртом – это состояние медики определили бы, как шок, как запредельное психическое потрясение.

– Нет, две-сти! – ответил ВСЁ. – Только без одного нолика.

Шутки шутками, однако, и он, так же, как и НЕКТО, тупо уставился в ведомость: что это – описка? кошмарный сон, который им привиделся наяву?

НИКТО взял дрожащими, никак не желающими слушаться, пальцами, шариковую ручку и, пляшущим почерком, накарябал в платёжке: двадцать руб.

(ЧЕЛОВЕК КАК УСТРОЕН? Он видит надводную часть айсберга, остальные 2/3 ледяной глыбы он дорисовывает в воображении: всё просто...)

– Подпись, умник! – рявкнула Киборгша.

НИКТО поставил подпись и сунул ведомость под решетку. Капельки пота образовались у него на лбу.

Киборгша в ответ кинула на алюминиевое блюдечко, прибитое гвоздём к подоконнику, две красных купюры с профилем вождя мирового пролетариата, и захлопнула – что было сил, как это сделал чуть раньше *НИКТО* – кассовое окно: всё, баста – не тот случай, чтобы устраивать здесь выяснения и мутный базар!..

(Позже *НИКТО* предложит внести в «Кодекс поведения алма-атинцев» особый пункт, где обозначится мысль, заимствованная у Германа Гессе: «ВЫ НАСТОЯЩИЙ АЛМА-АТИНЕЦ, если МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА СЧАСТЛИВЕЙ И ВЕСЕЛЕЕ, ТО СДЕЛАЕТЕ ЭТО В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, ПРОСИТ ОН ВАС О ТОМ ИЛИ НЕТ...»)

До шпона – однако! – *НИКТО*, *НЕКТО* и *ВСЁ* надо было ещё дожить.

Если исходной точкой считать 32 августа 1974 года, то доживать предполагалось одно лето и 55 дней.

(И, вообще, вполне вероятно – сложись что-то не так! – и разгрузка вагона с шпоном могла не состояться вовсе, не случись к ней необходимых предпосылок.

Не произошли бы *эти*, некоторые, причинно-следственные невероятности и всё тут: никакого шпона не было бы! и ничего не попишешь...)

1. 32 августа.

Цифра «один» означает движение от небытия к полноте, являясь символом Созидания, Творения.

Школьный плац источал запах свежего асфальта.

Ещё вчера здесь, на улице Каблукова (чуть выше Плодика⁴), был пустырь. Сегодня — как в сказке, мгновенно — образовалась новая школа.

В точности через дорогу от школы находились — очень нужные городу — заведения: диспансер для психов, спецучреждение для малолеток-мальчиков, которых нельзя было посадить по уголовке в зону, и такое же спецучреждение для малолеток-девочек, чуть выше по Каблукова — дом престарелых.

*И вот построилась буквой **Н** новая школа и улица Каблукова в этом удивительном месте непонятным образом гармонизировалась (или, может, наоборот, дегармонизировалась?). Был пустырь — вроде чего-то не хватало. Вырос типовой храм знаний — вроде стало хватать всего. Почти, как это случается на гениальных полотнах гениальных художников: нанесён последний удар кистью и всё встало на свои места.*

Почти, как у Малевича⁵...

(«В ИСТОРИИ МИРОВОГО ИСКУССТВА НЕТ, наверное, КАРТИНЫ С БОЛЕЕ ГРОМКОЙ СЛАВОЙ, ЧЕМ «Чёрный квадрат»... «НЕТ АРТЕФАКТА, ОБЛАДАЮЩЕГО подобной **непреодоляющей АКТУАЛЬНОСТЬЮ** ...» — таковы оценки «Чёрного квадрата» Малевича авторитетных специалистов в области изобразительного искусства).

Школе был присвоен номер 63.

⁴ Алма-атинский плодоконсервный комбинат.

⁵ Казимир Малевич (1879— 1935) — художник-авангардист, основоположник супрематизма.

(Позже Пат скажет:

– 63 – это 6 + 3. Или – три тройки: шестёрка – две тройки, плюс тройка существующая, которая есть в номере вашей школы.

– А почему не девять единиц? – спросит ВСЁ.

– Или – три в квадрате? – удивится НЕКТО. – И, вообще, есть ли смысл гадать на кофейной гуще и наводить туман при помощи каких-то цифр и чисел?

– Есть, – ответит НИКТО, – мой старый приятель Харрисон сказал, что цифры и числа отражают состояние Вселенной и являются символами космической энергии, а также определяют развитие какого-либо явления или события...)

Итак, на плацу с запахом свежесукатанного асфальта, перед новорождённой СШ №63 должна была состояться первая школьная линейка перед началом учебного года.

Пока она не началась, на плацу стоял галдёж ошастливленных школьников. Ещё немного и все они, переполненные неиссякаемой детско-юношеской энергией, хлынут внутрь храма знаний и усядутся за парты: не забавы для, постижения науки ради...

(«ЕСЛИ БЫ ВЫ ЗНАЛИ ВЕЛИКОЛЕПИЕ ЦИФР 3, 6 и 9, у вас был бы ключ ко Вселенной». Никола Тесла.)

Он стоял в некотором отдалении от этого галдежа.

И, будто, ничего не замечал вокруг. И, будто, ничего не видел.

Он стоял, словно Слепой (назовём пока его так).

Кроме этого странного Слепого, в толпе галдящих школьников выделялся другой мальчишка. Внешне он был точной копией Джона Леннона: очёчки, причёска, манера двигаться – всё, как у ливерпульской знаменитости! не хватало гитары, микрофона и обнажённой Йоко Оно рядом.

Он пристально наблюдал за Слепым: что же это за фрукт такой здесь объявился? Или, на самом деле, слепой, подумал он, или – тупой. После чего он склонился к версии смешанной, что Слепой – это тупой придурок. Или, наоборот – придурочный тупица (что звучало, по его

представлению, более привлекательно, а, может, и правильнее). И сама эта замудрённая придумка ему очень понравилась, и как-то особенно согревала.

Почему согревала? И причём здесь тепло?

Гордыня и тщеславие в холоде и неуютке чахнут. А могут, вообще, дать дуба, склеить лапы, откинуть копыта, короче – сыграть в ящик.

Копия Леннона, неспеша – с издевательской ухмылкой на битловском лице! – подошла к Слепому.

Слепой, продолжая смотреть в никуда, хотел было монотонно произнести: «Ты – Леннон?». Но сказал – к собственному (и «ленноновскому» – тоже) удивлению! – другое:

– Ты – поляк?

– Поляк... – Точная копия одного из битлов вдруг стала меньше похожей на точную копию одного из битлов, поскольку от внезапного вопроса Слепого её (его) перекосило.

Теперь она, копия, обескураженно-ошалело рассматривала Слепого поверх своих стёкол с диоптриями: что же это за шизоидная непонятка образовалась перед ним?..

(«ЛЕГКО ЖИТЬ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ, не понимая, что ты видишь». Джон Леннон.)

– Как узнал? – спросила ливерпульская матрица с некоторой растерянностью в голосе, которую не удалось скрыть. И ей стало досадно за эту растерянность, за такой нелепый промах.

– Я жил в Польше, – ответил Слепой. – Прибыл, можно сказать, напрямик из заграниц, и сразу на бал.

Слово «из заграниц» прозвучало – будто нарочно! – с насмешкой. Копия Леннона насто-рожилась: что это опять за хихоньки, да хаханьки? что это за издевательские фортеля?

– Курица – не птица, Польша – не заграница? – В голосе битловской матрицы уже не было растерянности, в голосе был металл.

– Заграница... – ответил Слепой безучастно, – еще какая заграница – самая заграничная из всех заграниц, вместе взятых.

– И что: не приглянулась Польша?.. не по вкусу приилась?

– Почему?.. – Пауза. – Приглянулась... – Пауза. – Но большие приглянулись польки.

Слово «польки» прозвучало без иронии. Точную копию Леннона ещё больше переклинило:

– Польки? Причём здесь польки? – И опять в голосе – предательская растерянность.

– Они ничем не отличаются от наших девчонок.

– От кого: от славянок?

– Ну, да, таких, как Маруся Огонёк (Пола Ракса) из «Cztery танкиста i pies»...

(Фильм «Четыре танкиста и собака», снятый в 1966—1970 годах, пользовался грандиозным успехом, как в Польше, так и в других странах советского блока.

Пола Ракса – польская актриса, родилась в городе Лида Гродненской области БССР. После войны (ВОВ) поселилась в Леснице под Вроцлавом.)

Образовалась пауза, обоюдная.

Слепой продолжал смотреть в никуда.

Копия Леннона продолжала смотреть на Слепого, взвешивая все «за» и «против» их короткого диалога: этот, живший в Польше, в которой он, поляк, никогда не был —

пристукнутый? или прикидывается пристукнутым? а, может, его пристукнуть, чтобы содержание стало соответствовать форме? и тогда он вернётся в настоящее школьного галдежа и перестанет витать где-то в облаках?

– Ты – кто? – прозвучал вопрос, в котором теперь не было и тени растерянности.

– Я – НИКТО, – последовал молниеносный ответ.

– ...

– Я – НИКТО, – повторил НИКТО. – А ты – кто?

– Тогда я – ПОЛЯК.

– Это никак не стыкуется: я – НИКТО, а ты – ПОЛЯК.

– Ладно, хватит здесь втирать про стыковки и нестыковки! – пришла в неистовое негодование битловская матрица. – Тогда я, по-твоему, кто?

– Кто ты, чтобы стыковалось?.. – спросил отрешённо НИКТО: он был по-прежнему вот здесь рядом, во плоти, к которой можно прикоснуться, и – в тоже время – словно его здесь не было.

В тот момент хватило ещё одной-единственной искорки и произошла, наверное, маленькая драчка. Маленькая спонтанная потасовка, какая обычно случается среди старшеклассников: кто-то должен доминировать, а кто-то – подчиниться доминированию.

Драчки не случилось.

– Да-да-да! – торопливо и гневно выкрикнула копия Леннона. – Чтобы стыковалось!

– Если я – НИКТО, то ты – НЕКТО...

Пауза.

– Лен-нон... не может быть никем иным, как НЕКТО...

Было видно, как НЕКТО – в момент! – спёкся: потеплело в его глазах, во всём его облике не осталось больше и следа прежней воробыиной агрессивности.

– Леннон – это Леннон, – сказал НИКТО. – Леннон – это НЕКТО! Логично?

– Логично... вроде бы...

(Позже, когда НИКТО будет рассказывать Пат о Битлз, он процитирует слова Харрисона о Ленноне: «НА ВОЙНЕ ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ всегда ВЕДУТ В БОЙ ОСТАЛЬНЫХ. Джон был как раз таким...»)

Опять пауза. Пока она длилась, НЕКТО показалось, что школьный галдёж стал теперь каким-то иным, нереальным: раньше он, НЕКТО, был неотделим от него, а сейчас галдёж воспринимался, как нечто, существующее параллельно с ним.

– А зачем ты стоял на отшибе от всех? – спросил он.

– На отшибе?

– Ну, да. На отшибе.

– А, может, на пришибе? – спросил НИКТО.

– Это как? – НЕКТО был не на шутку озадачен коряво-нестандартным – на грани фола! – вопросом с непонятно-издевательским словечком «на пришибе»: что это за новые бесовские фортеля?

– Это... как ПРИШИБЛЕННЫЙ, – ответил НИКТО.

– Как тот, которого из-за угла пустым мешком? – уже радостно произнёс НЕКТО, и тут же, с досадой, отметил: значит, этот «пришибленный» стоял и будто читал его мысли?

– Конечно, пришибленный и должен стоять на отшибе.

– Да, верно, – НЕКТО почесал свою ленноновскую репу: вероятно, это означало его согласие с невероятным видением НИКТО о пришибленных и всех остальных в этом мире.

Вероятно, это означало согласие с видением НИКТО о гармонии в этом мире. С видением, которое никак не стыковалось с общепринятыми представлениями: не было бы НИКТО, который есть НИКТО – не было бы НЕКТО, который есть НЕКТО.

Получалось, что НИКТО и НЕКТО – существа взаимосвязанные и взаимообусловленные?

Последний постулат не просто не стыковался ни с чем, привычным слуху, он вдребезги разбивал всё, о чём говорили все... о чём вещали-мусолили газеты и журналы, о чём мусолили-вещали радиоприёмники и телевизоры, как на советской стороне от железного занавеса, так и в зарубежно-капиталистическом раю...

(Согласно второму закону термодинамики, **ЛЮБАЯ СИСТЕМА**, свойства которой изменяются во времени, **СТРЕМИТСЯ К РАВНОВЕСНОМУ СОСТОЯНИЮ, В КОТОРОМ ЭНТРОПИЯ СИСТЕМЫ ПРИНИМАЕТ МАКСИМАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ...**)

Неподалеку от НИКТО и НЕКТО были локаторы, в виде шевелящихся ушей.

Эти уши принадлежали крепкого телосложения мальчишке с улыбкой доброго самаритянина. Он услышал странный – непохожий ни на что! – разговор. И ему этот разговор чем-то приглянулся, поэтому он спросил прямо:

– Если ты есть НИКТО, а ты – НЕКТО, можно я буду ВСЁ?

– Ну, да, это может как-то дополнить нас, – ответил НИКТО, – и, может, даже уравновесит неуравновешиваемое.

– Неуравновешиваемое? – поморщился НЕКТО.

– Да, неуравновешиваемое.

– Уравновесить?.. Дополнить?.. Это ящик Пандоры какой-то, а не тема... Хе-хе!.. Интрига на интриге, и интригой погоняет.

– Не будет интриги – не родится на свет ничего живого, – сказал НИКТО, – никакой путной музыки и никакой путной книжки.

– Ага. Значит, мы будем заниматься уравновешиванием неуравновешиваемого? – спросил НЕКТО, раздражённо-агрессивно. – Весёлое занятие!

– Нет интриги – нет ничего... – НИКТО по-прежнему стоял, глядя перед собой в никуда. – Чтобы из «ничего» сотворить что-то, надо сначала сконструировать интригу, или, по крайней мере, попробовать сделать это.

НЕКТО в ответ хотел что-то сказать, но звуки предательски не артикулировались: онемели вдруг – как назло! – голосовые связки, язык, губы.

Такая же реакция была и у ВСЁ: он стоял с лицом человека, которого на мгновение выключили из жизни, и он замер, словно статуя.

– Когда я ем – я глух и нем... – невероятным усилием воли выдавил, наконец, он из себя.

После этого они втроём – одновременно, как по сценарию: наигранно и по-клоунски! – шумно рассмеялись, чем привлекли внимание галдящего 9-б класса, в который они, все трое, были определены завучем новой СШ №63...

(«ОДНА ЧАСТЬ МЕНЯ ПОСТОЯННО ПЕРЕЖИВАЕТ, ЧТО Я ОБЫЧНЫЙ НЕУДАЧНИК, в то время, как другая, мнит себя Господом Богом...» Джон Леннон.)

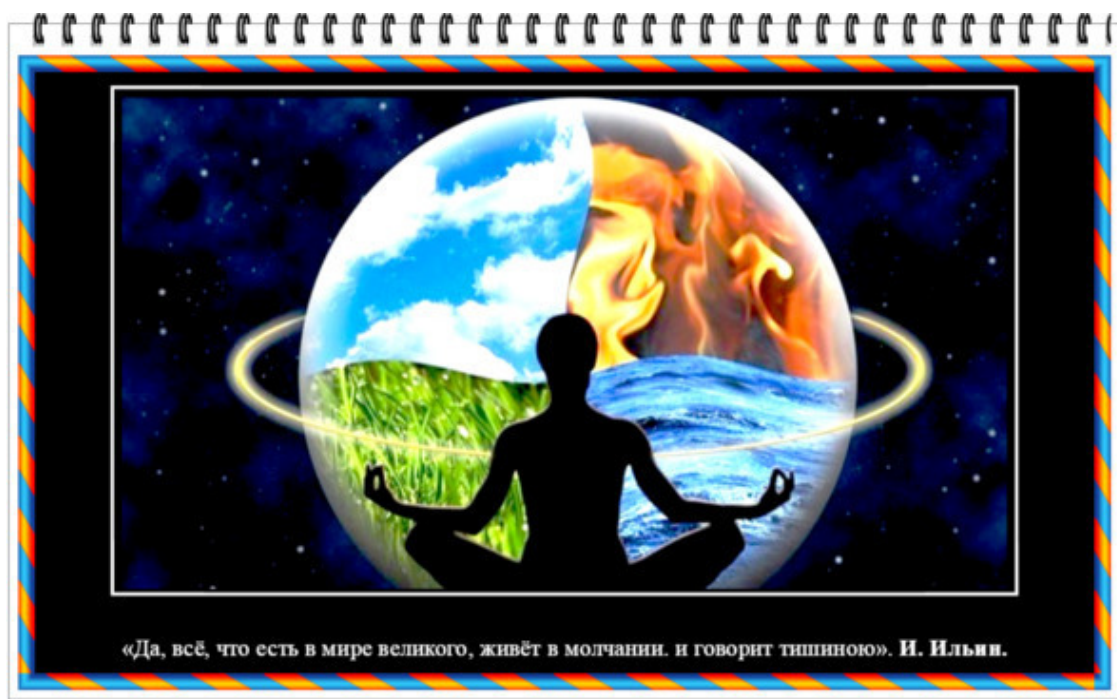
– А кто-нибудь мне подскажет, какое сегодня число? – обратился к свежееиспечённым одноклассникам ВСЁ. – А то мои золотые что-то заклинило. – Он на самом деле озадаченно смотрел на свои наручные часы, постукивая ногтём указательного пальца по стеклу, они будто перестали тикать, будто кто-то вручную остановил их: замер маятник, замер весь механизм, остановились стрелки на циферблате.

Потом ВСЁ поднял руку вверх, показывая всем свои заклинившие золотые.

Теперь весь 9-б стоял с перекошенными физиономиями от дерзко поставленного вопроса: школьная линейка всегда проходит в последний день лета: ясен пень – здесь никакие золотые с бриллиантами часы не нужны. Чушь какую-то горючит этот шут гороховый: время – оно и есть время. Мозги, верно, у него переклинило, а не часы.

– Само собой: сегодня 32 августа, – ответил негромко НИКТО, очень негромко.

Тем не менее, все – весь класс! – услышали этот ответ. Перекошенные физиономии 9-б ещё больше, чем после вопроса ВСЁ, исказились в сторону аномалии. И общешкольный галдёж стал для них совсем неслышимым, как в немом кино: люди вокруг двигались, что-то делали, что-то говорили, а звуков не было.

Центром внимания девятиклашек стала эта странно-дикуватая троица: НИКТО, НЕКТО и ВСЁ...

(«ДА, ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ В МИРЕ ВЕЛИКОГО, ЖИВЁТ В МОЛЧАНИИ. И говорит тишиною». И. Ильин.)

– Да, сегодня 32 августа, – повторил НИКТО. – Почему? Потому что 32-го не бывает, 32-го числа в календаре нет, как и нет ничего, что мы здесь наблюдаем.

– Значит, всё, что есть вокруг – это нам только кажется? – спросил ВСЁ.

– Интересный поворот! – заметил вкрадчиво-издевательски НЕКТО. Как он не стараясь, как не хотел, но прозвучало это именно так, а не иначе: вкрадчиво-издевательски.

– И школы?.. – спросил ВСЁ. – Её тоже нет?

– И школы...

– А что же всё-таки здесь есть? – хихикнула одна из девочек.

– Есть пустырь с разбросанными селом валунами и камнями... – ответил НИКТО с прежним лицом провидца, прорицателя: ему самому потребовались немалые усилия, чтобы не расхохотаться перед онемевшим классом, но этого никто не заметил, – больше ничего нет.

– А мы? – возмущился НЕКТО. – Как с нами быть?

– Мы есть, пока есть...

Класс облегчённо выдохнул.

– Мы есть, как некое недоразумение, – объяснил необъяснимое НИКТО, – как то, чего не должно быть... Как случайное вкрапление в реальность 31 августа по форме, но не по несовместимому содержанию.

– Интересный поворот!

– Совместимость несовместимого какое даёт число?

– Какое? – спросил ВСЁ.

– Правильно! – ответил НИКТО. – Ответ засчитывается, как правильный: 32-е...

9-б – с перекошенными физиономиями – стоял по-прежнему перекошенным.

– Или – 33! – подвёл итог ВСЁ: потеху надо воспринимать, как потеху, а не стоять баранами с раскрытыми ртами. Он сиял своей неподражаемой, ослепительной улыбкой, от которой становилось «всем светлей⁶» и теплей. – Теперь всё ясно и понятно...

Физиономии девятиклашек перестали быть перекошенными и стали изменяться в направлении к улыбке, подобной той, которая сияла на лице ВСЁ.

– А мне понятно, что среди нас есть один реальный придурок... – произнёс НЕКТО многозначительно, как мог произнести только НЕКТО.

Галдёж, как по команде, опять прекратился. И установилась тишина, какая бывает в космосе, в абсолютном вакууме...

(«ВСЕ ВЫ ГЕНИАЛЬНЫ И КРАСИВЫ. Вам не нужен кто-либо, кто рассказывал бы вам, кто вы и какие вы. Вы – те, кто вы есть». Джон Леннон.)

– А ещё мне сдаётся – все догадываются: кто есть этот придурок.

– Это является лишним аргументом... – заметил негромко НИКТО, – реальности такого феноменального явления, как совместимость несовместимого, а также ответом на вопрос: какое сегодня число – 31-е или 32-е.

– Или – 33-е, – вновь напомнил о своей версии ВСЁ.

После этого галдёж на плацу новой школы (которой не было!) возобновился с новой силой...

Таким образом, в летописи о «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» появилась первая запись: **32 августа.**

Во второй записи летописи значилось:

2. ВСЁ – Ринго, НЕКТО – Джон, НИКТО – Джордж.

Цифра «два» характеризует двойственность мира. Свет и Тьма.

Если 1— это небесное Созидание,

то 2 (1+1) – активизация нижнего мира.

Было бы странно, если бы после школьной линейки в тот день, 32 августа, ничего больше не произошло. И подобной странности не случилось.

⁶ «От улыбки хмурый день светлей» – строчка из песни В. Шаинского и М. Пляцковского.

НИКТО, НЕКТО и ВСЁ условились продолжить – совместимо-несовместимый! – диалог среди более приятных глазу декораций. Они заскочили домой, чтобы облачиться в нешкольную форму и выхлопотать у родителей карманные деньги. И через полчаса встретились на углу улиц Розыбакиева⁷ и Тимирязева, на той стороне, где была остановка троллейбусов в направлении к центру города.

На НЕКТО красовались очень модные расклешенные брюки темно-оливкового цвета и не менее модная приталенная оливкового цвета рубашка.

На НИКТО, конечно, были польские модности: джинсы «Одра» и простая белая, без рисунков и надписей, майка.

ВСЁ был одет в светлые коттоновые брюки и коттоновую рубашку такого же цвета.

– Логичнее, если бы моя одежда была на НЕКТО, – сказал НИКТО, – кто, в конце концов, среди нас поляк?

– Я – поляк, – ответил НЕКТО.

ВСЁ презабавно повернул свою голову так, как это делают собаки, пребывая в состоянии крайнего удивления:

– Точно?

НЕКТО хотел было набычиться, но потом заставил себя расплыться в улыбке: на шутку надо реагировать шуткой.

– Точнее некуда! – твёрдо ответил он.

– Тогда – хочешь-не хочешь – а тебе придётся перекинуться одежкой с НИКТО, чтобы форма соответствовала содержанию.

– А меня – пока что – и моя одежда вполне устраивает!

– Иди ты? – ВСЁ опять уморительно изобразил поворотом головы собачье удивление.

– В натуре! – ответил НЕКТО ещё твёрже.

– Хотелось бы поверить, – продолжал подначивать ВСЁ, – но верится с трудом.

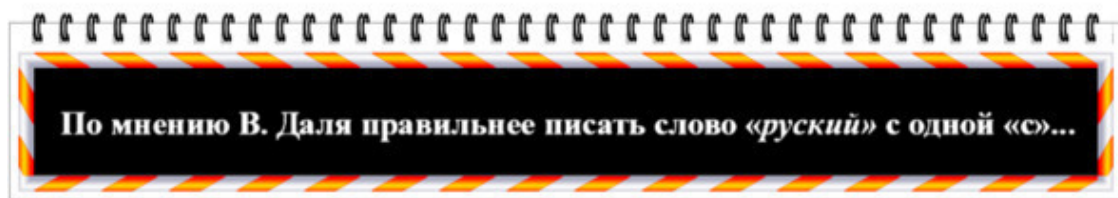
НЕКТО перестал улыбаться, в отместку: он, мол, тоже не лыком шит – ишь выискались тут умники, выдали мы таких, выдали и похлеще. И прокурорским тоном спросил:

⁷ Улица Розыбакиева до 1974 года была 17-ой линией. Это название (17 линия) улица получила во времена, когда город назывался Верным.

– Ну, и каково же там, в Польше, в «самой заграничной из всех заграниц, вместе взятых»? Классно, наверное? Только про Полу Раксу больше втирать не надо: о ней мы уже слышали.

– В Польше? Это на твоей исторической родине? – ровно, с протокольным безразличием полюбопытствовал ВСЁ.

– Каково – на твоей, мы и так прекрасно знаем, – парировал НЕКТО, и, взглянув на ВСЁ поверх очков, ухмыльнулся.

– Польша, как Польша, – ответил НИКТО, в словах – ни эмоций, ничего...

(«ВЫ НАСТОЯЩИЙ АЛМА-АТИНЕЦ, если... «И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА ВАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН...» Из «Кодекса поведения алма-атинцев».)

Теперь НЕКТО и ВСЁ, вдвоём, с подозрением стали рассматривать НИКТО. Они видели перед собой забавную и, одновременно, дикую нелепость, не имеющую объяснений: такого не может быть, потому что такого не может быть никогда. Им было не понятно, почему не было восторга у НИКТО от пребывания по ту сторону железного занавеса (как это должно быть у всех). Правильнее было бы наоборот: беспредельные восхищения несоветским раем, где есть всё: джинсы, кока-кола, виски и эротика на страницах глянцевого журнала, доступных всем, а также – ослепительные и доступные девушки в реальной жизни; и где есть, в конце концов, живые «Битлз».

– И что: совсем никаких впечатлений? – спросил НЕКТО.

– Ну, почему же? Никаких – масса, и каких – хоть отбавляй, – ответил НИКТО.

– Ладно... – ВСЁ сорвал самый крупный по размеру и аппетитный, кроваво-красный плод *Crataegus*, боярышника, и отправил его в рот. – А самое яркое из них – это какое?

– Самое яркое?.. – НИКТО задумался так, словно ему предстояло изложить решение теоремы Пуанкаре. – Самое яркое, пожалуй... – это когда на поезде подъезжаешь к Бресту и начинаешь понимать, что скоро ты услышишь, как все кругом говорят **по-русски**...

(Почему в тексте слово «по-русски» написано с одной «с»? По мнению В. Даля правильное писать слово «русский» с одной «с» (*Руский* человек... *Руский* мороз... *Здесь руским духом пахнет... Руский ум... Руский Бог... Руское спасибо. Руская рубаха... Правда Руская*; только Польша прозвала нас *Россией, россиянами, российскими*, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем *русский*! (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. С. Петербург, Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882, том четвертый, стр. 114.)

НЕКТО и ВСЁ продолжали рассматривать прибывшего из заграниц.

– И это всё?

– Всё, – ответил НИКТО. – А что: надо огласить весь список?

– Ну, хотя бы часть.

– Жвачка стоит 2 злотых, виниловый диск – 60.
– О-го-го! Эдак и разориться можно.
– 15 злотых – это 1 рубль. Соответственно, 60 злотых – это 4 рубля.
– Всего-то? – НЕКТО почесал ленноновскую репу. – У тебя, видать, куча винила?
– Кучка, из двух дисков – «Кристи» и «Тремолс», плюс пара миньонов – «Облади-облада» и «Гёрлз».

– Богач! – заметил ВСЁ.
– Не густо... – согласился НЕКТО.
– Уж сколько есть.
– Солнышко – однако – жарит по полной...

Солнце было в зените, и, действительно, припекало нещадно, по-настоящему, по-летнему.

– Конечно, жарит, – сказал НИКТО, – потому что на дворе август, ещё август, и потому что число сегодня – 32-е.

– Даже не верится, что завтра – осень... – НЕКТО застегнул предпоследнюю пуговицу на рубашке.

– Осень будет завтра. И завтра будет всё другому.

– А сегодня есть сегодня! – заявил задорно ВСЁ. – И пусть жара! Всё равно, сегодня – замечательно и хорошо!

– Хорошо, – повторил НЕКТО.

– Замечательно... – добавил НИКТО.

– В теньке – однако! – будет не менее замечательно и хорошо!

– Резонно! – согласился НЕКТО. – И – поскольку в ногах правды нет! – не помешало бы присесть.

– Точно, присесть не помешало бы.

На остановке была деревянная скамеечка под навесом в окружении боярышника. Они, втроём, вальяжно расположились на ней...

(«САМОЕ СТРАШНОЕ, братья, – ЭТО ВРЕМЯ. Время. Мгновение, которое мы переживаем и которым всё-таки никогда не владеем...» Э. М. Ремарк, «Три товарища».)

Здесь можно было бы всю оставшуюся жизнь сидеть и сидеть, глаза по сторонам. И никуда не ехать. Зачем куда-то ехать и мчаться, когда так спокойно никуда не ехать и не мчаться? А голод можно утолить тем же боярышником, жажду – водой из арыка, который был тут же, рядом.

(«ТОБОЙ УПРАВЛЯЕТ, КТО тебя злит». Лао Цзы.)

– Мы, кроме одежды, не устранили ещё одну очень важную нестыковочку! – проговорил задумчиво ВСЁ. – До сих пор...

– И что же нам мешает это сделать? – еле заметная издёвка услышалась в словах матрицы Леннона.

– Может, то, что звёзды как-то не так выстроились? – спросил НИКТО.

– Ага, звёзды! – ответил ВСЁ. – На клепах НЕКТО.

– И чем тебе помешали мои клеши? – огрызнулся НЕКТО.

– Всем! – огрызнулся в ответ ВСЁ. – НЕКТО – так получается! – у нас кто? Леннон!.. Так? Так!.. А мы – кто?.. А я – кто?

– А ты – кто? – спросил НИКТО.

– Я?.. – ВСЁ немного поразмыслил. – Я буду Ринго! Если никто не против.
– Я не против, – сказал НЕКТО...

(«МУЗЫКА НЕ БЫЛА ДЛЯ НАС РАБОТОЙ. Мы стали музыкантами как раз для того, чтобы не работать». Пол Маккартни.)

– О, так вы, оказывается, решили поиграть в игру под названием «Битлз»? – спросил НИКТО.

– Решили! – ответил ВСЁ. – В соответствии со сложившимися обстоятельства.

– «Нет ничего более умного, чем заставить колёса собственного ума вращаться вместе с колесом фортуны»⁸, – сказал НИКТО.

– Именно! – подтвердил НЕКТО.

– Среди нас уже есть Леннон? – спросил ВСЁ, и сам же ответил: – Есть! Значит, следует обозначить и других битлов.

– Логично, – согласился НИКТО.

– Логично... – улыбнулся НЕКТО: он уже пробовал наигрывать битловские мелодии – и не только битловские – и такие партнёры, как Маккартни, Харрисон и Ринго Старр ему были нужны позарез, прямо сейчас, а лучшие бы вчера. Вчера их не было.

– Все предпосылки для битловского старта у нас в наличии. Музыкальным образованием мы обременены? Нет, не обременены! И это не первое совпадение с битлами, и не последнее. Желание покорить весь мир у нас есть? Есть!

– И всех девчонок? – поинтересовался НИКТО.

⁸ Высказывание Ф. Бэкона (1561 – 1626), английского философа, историка.

– И всех девчонок! И так: чего нам ещё не хватает?
– Нам не хватает четвёртого в компании, – заметил НЕКТО, – не то весь проект – коту под хвост.
– Это тебя под хвост! – ответил ВСЁ. – Обойдёмся без четвёртого!
– Ну, это не серьёзно: битлы – квартет!
– Не серьёзно будет застрять на этой скамейке навсегда! Вот это точно будет не серьёзно...

(«ДАЖЕ „ЗДРАВСТВУЙ“ МОЖНО СКАЗАТЬ ТАК, чтобы оскорбить человека». В. Высоцкий.)

Журчание воды в арыке убаюкивало и располагало к благодатной дремоте в тени навеса.
– А здесь хорошо... – произнёс НЕКТО мечтательно. – Сиди себе и сиди... и глазей по сторонам: вон, какая красоточка продефилировала по тротуару в сторону ВДНХ: у-ух!
– Ну, уж нет! – ответил ВСЁ. – Так не пойдёт: двигаемся дальше!
– Движение – это жизнь, – сказал НИКТО. – Остановка – смерть.
– Именно!
– Твои предложения! – деловито заявил НЕКТО. – Только давай, чтобы были не в бровь.
– В глаз, так в глаз, – согласился ВСЁ. – НИКТО – увы! – выбирать не приходится: он будет на басе. Как нам без баса? Выходит, он будет Маккартни.
– Маккартни? – спросил НИКТО.
– Маккартни, – ответил НЕКТО.
– Нет, я буду Харрисоном, который будет играть на басе.
– Ну, это не серьёзно: сначала из битлов мы сделали трио. Потом за бас усадили Харрисона. Нас тухлыми яйцами закидают! Это курам на смех!
– Не серьёзно будет, если тебя разжалуют из Леннонов, – предупредил ВСЁ.
– Разжалует?.. Кто?
– Конь в пальто!..

(«ЖИЗНЬ – ЭТО ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТОБОЙ, ПОКА ТЫ ОЖИВЛЁННО СТРОИШЬ совсем другие планы...» Джон Леннон.)

Итак, Харрисон – самый тихий из битлов, рассуждали они. Вопрос: правильно ли будет, если Харрисона посадить за бас?

Это стало предметом тщательного анализа НИКТО, НЕКТО и ВСЁ. Здесь, по их мнению, нельзя было промахнуться: изначально повреждённая матрица ничего хорошего не сулит! Получается, что НИКТО категорически против быть Маккартни. Причина? Маккартни стоит на одной ступеньке с Ленноном и никак не может быть НИКТО. Он скорее – НЕКТО, как и Леннон. Верно? Ну, куда уж вернее. И в данном, конкретном их случае, разумнее – в отличие от битлов! – если у них будет один НЕКТО, один лидер, а не два, как у ливерпульского квартета.

С Джоном и Полом разобрались.

Теперь надо было разобраться с Харрисоном.

Он, в их звёздной битловской компашке, которая формально – для всех! – была в стильных костюмчиках и привлекательном имидже, а неформально, за кулисами гастролей – вела беспорядочную жизнь, пресыщенную чёрте чем, всегда был в тени. Харрисон вроде и был, и его вроде и не было, он не выпячивался, и никто его не выпячивал. Значит, в сравнении с Ленноном и Маккартни, он и есть ни кто иной, как НИКТО: здесь семи пядей во лбу иметь не надо, чтобы это – явное и очевидное! – увидеть.

Значит, противоречий здесь нет, решили они единогласно: НИКТО будет Харрисоном...

(«ВЫ НАСТОЯЩИЙ АЛМА-АТИНЕЦ, если ТАКИМ ЛОЗУНГАМ, КАК „Халык пен партия біртутас!“ (Народ и партия едины! (каз.), У ВАС БЫЛО ОСОБОЕ МНЕНИЕ – НЕ ЧЁРНО-БЕЛОЕ...» Из «Кодекса поведения алма-атинцев».)

– Конечно, противоречий здесь нет никаких, – сказал НИКТО. – Почему? Потому что все сценарии будущего уже написаны.

– Все? – спросил НЕКТО с беспокойством. – Ошибки здесь нет?.. А поправки на погрешность?

– Ошибки нет, и поправки учтены. Успокойся!

– И в этих сценариях есть МЫ?.. – НЕКТО замолчал, размышляя. – И есть сценарий для каждого из нас?

– Есть. Что в этом тебя так смущает?

– Наоборот – не смущает! – живо, без тени растерянности ответил НЕКТО. – Меня это очень даже устраивает... А сценарии для всего человечества? Они что: тоже расписаны, от А до Я?

– Тоже, от А до Я...

СЦЕНАРИИ РАСПИСАНЫ, КАК ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЦЕЛОМ, ТАК И ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В ОТДЕЛЬНОСТИ.

– Сценарий для НЕКТО – например! – был расписан практически в тот момент, когда он впервые заорал на весь родильный зал.

– Точно? – нахмурился потешно ВСЁ.

– Точнее и быть не может. Далее?

– Конечно, далее! – восторженно ответил НЕКТО, и, спохватившись, добавил: – а что может быть далее?

– А далее начинается самое интересное.

– Что: раз всё определено?

– Далее встает вопрос: а разве не могут эти сценарии быть искажены?.. исковерканы?.. или изменены со знаком минус?

– Кем это: нами?.. кем-то другим?.. злодеями?.. обстоятельствами?.. Получается, что не могут: ты же сам сказал, что всё уже зафиксировано, от А до Я!

– Что написано колом – не вырубить топором, – подтвердил ВСЁ, – народная мудрость.

– Нет, могут, – ответил НИКТО, – и не только искажены, а искромсаны в хлам.

– В хлам? – возмутился НЕКТО. – Нет, я не согласен. Это как же: несмотря на уже написанное?

– Ну, да, несмотря на уже написанное. Или, говоря другими словами – и пользуясь харрисоновской терминологией! – сведены к викарме.

– Что же это за страшилка такая ненашенская – викарма? – спросил раздражённо НЕКТО. – Попроще – никак нельзя?

– Куда уж проще? Викарма – никакая это не страшилка, а понятие вполне нашенское, если оно харрисоновское. Викарма – это проще пареной репы...

ВИКАРМА – ЭТО РАЗРУШЕНИЕ ПРЕДНАЧЕРТАННОГО.

– Да уж: проще некуда... – развёл руками НЕКТО.

– Издеваешься? – свирепо спросил ВСЁ. – И ты туда же? Какой – однако! – ещё один изощрённый издевательщик нашелся.

– Да, какой я изощрённый? – с ухмылкой ответил НЕКТО. – Я ж в заграницах не жила и сокровенных манускриптов, как НИКТО, не читывал, с меня и взятки гладки: так, погулять вышел.

– Смотри, простодушный гуляка: не въехать бы тебе, гуляючи, в косяк!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.